

ОБ ОДАРЁННЫХ ДЕТЯХ

(Размышления у парадного подъезда психушки)

Александр Мурашов

Жили две милые дамы в разных городах Союза. У одной (муж тогда у неё был) дочь в шесть лет, чересчур быстро освоив на фортепиано приторно-печальную «Болельщик куклы», став первоклассницей, могла без нот, на память, исполнить десятки пьес, к которым иногда и взрослые пианисты подойти боятся. У другой рос мальчишка — он любой разговор сводил на тему баяна, аккорды которого снились ему даже ночью: вскакивал с постели и опрометью кидался записывать то, что слышал во сне неизвестно от кого. Когда дети стали взрослыми, их матери познакомились на конкурсе молодых исполнителей. Сияющая от счастья и гордости мать победительницы сообщила таинственным шёпотом:

— Моя говорит и думает только о музыке. Не знаю, что и делать. Молодец, конечно, первое место, а как подумаю, что дальше... — Тут она махнула рукой, давая понять, что девочке пора бы и о взрослой жизни задуматься, и жениха подыскать...

Мать того самого баяниста (он места не занял) — словно в утешение:

— А мой?! Бывало, придёт из школы — и сразу баян в руках! Даже учительница предупреждала: «Займись сыном! Кому нужна его музыка? Будет чирики сшибать со своим баяном, виртуоз из подземного перехода!»

А что, если?.. — Мысль пришла в голову обеим одновременно. Друг друга поняли: проблемы общие, детей нужно к жизни приучать — сами ведь никогда не решатся!

Познакомили сына и дочь.

— У нас дела, да и по столице походить надо, народ посмотреть. Чем живёт, что покупает. А ты, кавалер, развлекай даму!

Только ушли, — «кавалер» схватил баян и принялся рассказывать о том, что это за необычная штука такая в хороших руках. «Дама» через час лекции заскучала, убежала к себе в номер, её тянуло к любимому фортепиано, но там его нет — так хоть книжку про клавиесин дочитать: вчера купили с матерью в букинистическом...

— Не будет он человеком! Никогда не будет! — вздыхала наутро одна матушка.

— А моя-то?! — словно обидевшись, перебивала другая. — Я надеялась, она хоть такому понравится...

Сегодня мы говорим о воспитательной проблеме, без решения которой у России будущего просто нет. Стране нужны сильные, ловкие, смелые — кто поспорит? Но сильный убийца, ловкий шулер, смелый бандит — персонажи нынешнего

времени, забывшего в погоне за имиджами всех мастей и цветов о той группе ребят, которая способна составить для народа и величайшую гордость, и сложнейшую проблему. Это одарённые дети, которых эпоха не пощадила (не могут они быть

прагматичными — и всё тут!), а вирус этой самой одарённости не позволил быть такими, как все. Вот и всё. Но здесь — корень проблемы. Не будет у России Репиных и Суриковых, пока по экранам и книжкам торжествующе и сметая всё на пути будут шествовать «бригады». Не будет Рахманиновых и Дунаевских, пока единственной музыкой для девчонки будет вкрадчивый голос экранной путаны, а для мальчишки — визг пилы в отцовском гараже. И Лермонтовых с Цветаевыми будет травить и уничтожать эпоха, которая загоняет их в сугробы, наметённые с отполированного катка, где растяг будущих чемпионов.

Это время победителей. Но кого способен победить несостоявшийся Айвазовский с палитрой в руках? Время лидеров. И кого же, скажите, поведёт за собой будущая Ахматова? Время «людей команды». Интересно, в какой команде, на каком конвейере рождаются новые стихи или симфонии? Да и нужны ли они, эти самые симфонии и те, кто их сочиняет, забившись то ли в «комнату под сводами», то ли в берёзовую рощу? *Стране нужны сильные.* Но силен ли тот, чья рука не удержит кисть? *Ловкие.* Но ловок ли, кто «кинет» любого за сотню баксов, однако не исправит скрипку, разладившуюся и издающую сегодня лишь бессильное повизгивание обречённой на вымирание? *Смелые.* Но можно ли считать смелым того, кто взглядом героя посматривает на остатки разрушенного им снежного городка, возведённого когда-то тщедушным подростком из соседнего подъезда?

Каждое время ценно тем, что оставит потомкам. И если они, потомки, будут атрибутировать наши годы лишь по количеству бутылок пива, выпитых чересчур сильными, по криминальным хроникам, героями которых неизменно оказываются очень-очень смелые, и по состояниям, нажитым нашими ловкими современниками, — удивление сменится отвращением к эпохе, ничего иного после себя не оставившей и не способной оставить. Нужно что-то иное. Новая «Джоконда», новый Покров-на-Нерли. Или «Война и мир» — но так, чтобы отражать наше время! Очнёмся: ничего этого мы уже не способны создать! Ибо реклама «Клинского» — не Пабло Пикассо, а победы на «Евровидении», даже самые дерзкие и яркие, — всё-таки не Собинов и не Шаляпин.

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ Концепт-инфо

«А ты в армии служил, чмо?»

Герой Олега Дивова, впавший в рефлекссию художник, говорит бывшему однокласснику, что, мол, жизнь у того была лёгкой и привольной: отец — начальник, сам — быстро находил общий язык с любой компанией... Говорит — и слышит в ответ, как оправдание и обвинение одновременно:

— А ты в армии служил, чмо?

Удивительный по беспримерной неотражимости, глубине и силе довод, на который subtilному «интелу» нечего и возразить. Эти слова зовут «социально чуждого» к ответу, к расплате за свою инаковость, они — плевок общества, в котором тот просто обязан захлебнуться... Моцарт? Пушкин?

— А ты в армии служил, чмо?

...Лермонтов не дожил до тридцати. Как и Есенин. Блок прожил чуть больше сорока. Всего-то... Но они ушли из жизни, успев стать совестью нации. Наверное, успели потому, что не достигли ничего не говорящий и не объясняющий, но считающий себя единственно правильным, ненавидящий и карающий взгляд «героя нашего времени», в упор нацеленный на художника и поэта через года, из России наших дней:

— А ты в армии служил, чмо?..

Мужчина должен прежде всего быть мужчиной — это аксиома. Женщина — женщиной, тоже никто не усомнится. Но в эпоху «пива с мужским характером» и откровенно дебилизирующих шоу вроде «50 блондинок» мы рискуем получить вместо мужчин — потребителей пива, а вместо женщин — «блондинок», которым вбивают в голову, что они просто обязаны быть дурами — иначе никакие не женщины. Такого рода программирование опаснее любой войны и эпидемии, оно сокрушает души и судь-

бы, стирает народы и страны, формируя время импотентов, рычащее пивными глотками самцов, которым велено всё сокрушать, и надувающее похотливые губки тех самых «блондинок».

**Кто бы знал моё одиночество?
Будь он проклят, этот самый
талант, сделавший меня
несчастной...**

Ф. Раневская

Если человек написал книгу, создал картину или сочинил симфонию, — он стал выражением своего времени, поднявшись на голову выше современников, не способных на такое. Это знали всегда. И везде. Но — не в России, и в этом — страшная трагедия всего народа. Между тем положение талантливых детей, да и само их существование в современной России — вызов тем, кто серьёзно считает, что ещё понатужиться, понапружиться — и каждый, как в колхоз единоличник, войдёт в стройные ряды патриотов и рекордсменов. А всё намного сложнее. Часто вспоминают про то, что шестилетний Моцарт играл на фортепиано и сочинял музыку, а стихи совсем юного Байрона — шедевры, обнаруживающие взрослую мудрость. Вот только Моцарт и Байрон, окажись они в нынешней России, задыхались бы, слыша оскорбления, улюлюканья, свист пролетающих комьев грязи, — пока не засыплет их заживо тоннами неурядиц и жизненных проблем, которые таким детям приходится испытать на себе сполна. — И оказаться либо на российской помойке в ожидании выкинутой кем-то пустой бутылки, либо среди дорогих национально-патриотическому взору «социально близких» алкашей.

**Мало счастья иметь талант.
Надо ещё, чтобы талант
имел счастье.**

Г. Берлиоз

заглянуть в будущее без суеверного ужаса обречённых. Это — отношение к талантливым, а может, и гениальным детям, на которых не рассчитывает «детская» реклама, к которым не обращаются «журналы для подростков», о которых принято говорить лишь

на разного рода конкурсах и олимпиадах, а проведя мероприятие, тут же забыть, как о страшном сне, поставив заветную галочку. Просто общенациональное «подраться и надраться», оставляемое для «массы» творцами глянцевого издания и рекламных роликов, сублимировалось у них иными ценностями. Увы: среди нас, до приторности обычных, зачастую появляются такие дети — и мы теряемся, не зная, вызывать врача или готовить скрижали...

Что это за дети, с воспитанием которых не справится прочная, как ледокол, и прямолинейная, как рельс, идея воспитания на здешний лад? Что за неведомая преграда замыкала перед хозяевами современной российской жизни, когда всё, что надо, они забрали, отобрали, надербанили, а теперь и охранники нужны, чтобы это оправдать, а коли понадобится, — и защитить, чтобы другая «братва» не наехала?

Страна должна быть достойна патриота. Когда же дети, имевшие несчастье родиться талантливыми, «не вписываются» в проектируемые стройные ряды новой жизни, — они, становясь самостоятельными, искренне интересуются, как и зачем любить того, кто отвергает тебя, и зачем вообще им нужны те, кому не нужны они. Лучше уехать в какую-нибудь Америку или Польшу — там по крайней мере знают им истинную цену! Здесь же такому ребёнку, пока он ребёнок, будут внушать, что надо быть «как все». А когда он поймёт свою полную непригодность к этой особо ценимой здесь добродетели, — его «не как все» окажется уже клеймом, ярлыком, и «по барабану будет» как ему, так и окружающим, какую картину он написал, какую поэму перевёл: куда важнее, умеет ли ходить строем, чисто ли моет тарелки, хорошо ли гладит бельё, правильно ли заправляет кровать в казарме. Пока знает себе цену, — он живёт. А только убедился, что умение заправлять кровать или кокетливо поигрывать локонами важнее всяких там живописных и прочих экзерциций, — он пропадает как человек, к тому же так и не став вождельным «колёсиком и винтиком». — Какие колё-

сики? Какие винтики? В стране, где каша — «из топора», где «шилом бреются», где «дымом греются», во многое не вкрутиться, не ввинтиться. А крутиться и ввинчиваться и не надо. Достаточно видеть себя «в команде». Быть готовым. И не важно, к борьбе за дело какой там партии. Достаточно научиться выполнять приказы, чтобы потом получить долгожданное право их отдавать, считая и себя допущенным к кормилу...

Часто сетуют — нет, мол, у нас современной культуры. И начинают создавать журналы со слезоточивыми заголовками, общества по выращиванию талантов — как лепрозории. Но там, где убийца — в чести, а грабитель — фигура государственная, — такие дети, в глазах которых есть особенный блеск, а руки стремятся сжимать смычок, перо или кисть, — получают общее название «отбросов общества» и обречены всю жизнь расталкивать хрупкими руками то сверкающие «Мерседесы», то VIP-персон с волосатыми от неумной цивилизованности ладонями, то рекламных легионеров, талант которых надёжно защищён футбольными трусами. Там, где художник равнозначен идиоту, не умеющему зарабатывать деньги, где на поэта по традиции смотрят как на бездельника, всю жизнь бредущего к своему «Англетеру», а над нищим музыкантом смеются «успешные» обладатели бутылки пива со всех рекламных щитов, — там талант превращён в блажь или проклятье, от которого избавит разве что подгулявший «человек команды» за рюлем...

Воспитывать таланты? А зачем их воспитывать — на горе родителям, на потеху общей камере, где на «нарах» оскаливаются, матерясь и рыгая, готовые судить и звать к чести «социально близкие» и «правильные» граждане? «Да говори по-человечески: слушать тошно!» — обрывает один из здешних «судей» 15-летнего, только закончившего поэму. «Ты что, рисовать не научился?» — глаза учительницы горят праведным гневом, и зачем ей знать, что у того уже персональная выставка была?

Лестничная площадка. Подростки в окружении пивных банок и окурков.

— Выкинуть — слабо?

— А вон там писатель живёт! Он и подберёт. Сдаст — заработает. (Общий хохот.)

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

Концепт-инфо

Московский редактор журнала почти наголо выбрился. Объясняет виновато:

— Пройти не дают. С длинными волосами мальчишки «художником» обзывают.

— То есть?!

— Кричат: «Художник, нарисуй портрет!» (Смущённо улыбается.)

И всё это — без тени удивления или сомнения. Словно это — естественно, словно только так и надо.

Молодой мамаше — врач-педиатр:

— Ваш ребёнок — гений!

— Ой, этого ещё не хватало! (Поворачивается к сыну.) Кто его, дармоёда, кормить будет? У всех дети как дети, а мне за что?..

«А надо было молчать...»

Какова она, «совесть России» наших дней? Для одних — реликт уходящей цивилизации, тот редкий человек,

с которым можно заговорить на улице, не опасаясь услышать в ответ оскорбление. Для других — лох, которого стопудово можно развести на бабки: он купит на базаре (магазины — для успешных) что угодно за двойную цену, и кому придёт в голову, что осуждения в этой ситуации достоин вовсе не он, и даже не торговец? Такие дети — не каста, и уж никак не психическая и сексуальная дезориентация. Мы говорим о талантливых детях, у которых, как ни старались, так и не смогли отнять талант взрослые, чванливо назвавшиеся их наставниками, а теперь рассуждающие о том, что с ними делать.

Мужчина должен быть мужчиной, рука которого способна держать не только субтильную кисть или хлипкий смычок. Но и — не только скамейку, которую он с пьяным рёвом выломал на стадионе после футбольного матча. Женщина

Способным завидуют,
талантливым вредят,
гениальным — мстят.

Н. Паганини

должна быть женщиной, но не проституткой, ожидающей возлюбленного этой ночи на трассе, демонстрируя очертания, изысканность которых к тридцати годам покроется кожей печёного яблока. А те дети, которые во многих странах считаются национальным достоянием, не должны считать себя в России обречёнными на удавку в «Англетере» или разыскивание бутылок после тусовки более «удачных» и «таких, как все».

«Они могут видеть то, что не воспринимают обычные люди... Многие из современных деток проявляют способность к предсказаниям будущего или, наоборот, «путешествуют» в прошлое. Эти способности, безусловно, даются не всем. Этот феномен требует изучения...»

[Московский комсомолец. 14.12.06].

**Талант — редкость.
Надо его систематически
и осторожно
поддерживать.
В.И. Ленин**

Такие дети были всегда. Их называли и гениями, и уродами. И вундеркиндами, и шизофрениками. Их боготворили — и травили.

В России чаще травили, поскольку, во-первых, провозглашалось, будто «особенных людей у нас нет», а во-вторых, этим детям присущи самые разные способности, которые оказывались или чуждыми, или излишними, но уж никак не «социально близкими». Да и вообще — «пусть другой гениально играет на флейте», а у нас и своих проблем предостаточно! И какие из этих гениев «правильные», если ходить в ногу, как все, они не умеют? Кроме того, «покамест рано жить без барабана». *А ты в армии служил, чмо?*

Он не «ботанел», он просто был отличником: давалось всё как-то неожиданно (прежде всего — для него самого) легко. Рядом с ним, за последним столом на среднем ряду, сидел непроходимый лодырь, — сидел рядом, чтобы списывать, благо это он делал виртуозно. А когда вызовут к доске, — дышал медленно и глубоко, сопя, пыхтя: уже не спишешь!

Прошли годы. Отличник, уставший ежегодно по несколько раз сообщать, что Волга впадает в Каспийское море, решил устроиться корректо-

ром в журнал: не так нервно, как в школе, да и зарплата какая-никакая...

— Собеседование в десять. Не опаздывайте! У главного редактора много дел! — любезно и вместе с тем грозно ответил телефон.

— Валерка, ты? — изумлённо выдохнул, увидев сверкающего золотыми дужками очков того самого, непроходимого.

— Ты прикинь, бляха-муха! — главный редактор подбирал слова. — Ну, типа... Сколько лет не виделись. Конечно, к нам. Телефон свой запиши, я завтра позвоню.

Не позвонил. Ни завтра, ни через неделю. Вообще не позвонил.

Потом узнал, что Валерка ушёл в администрацию — руководить образованием.

А главным редактором в тот журнал пришла дочь бизнесмена, у которой был цветочный магазин на вокзальной площади...

...Он не «ботанел», он просто был отличником. А потом учителем. Но, вероятно, в школе не понял самого главного. Иначе теперь он не собирал бы бутылки по электричкам, пряча глаза от вчерашних учеников...

Он был «странным человеком» два десятилетия назад. В детском саду, когда угрюмой воспитательнице рассказывал про Возрождение, и в первом классе, когда, морщась, как от укуса комара, сообщал на музыке, что в песне надо заменить до-диез на ми-бемоль...

Нынешние маленькие гении, несостоявшиеся Суриковы и Менделеевы, над которыми вдоволь наглумились в школе «правильные» ровесники и непогрешимые наставники, мчатся домой, в спасительное одиночество, писать картины, сочинять рассказы, выводить формулы — и недоумевать, что такое скрыто у них внутри, если ребята во дворе с искажёнными внезапно лицами бросаются на них, едва увидев, а взрослые из последних сил стараются сдержать нехорошую улыбку. Со временем добавятся окрики учителей, родительские разочарования, полная невозможность как-то определиться в жизни, если вовремя не отбросил кисти или не хлопнул однажды и навсегда крышкой пианино. Со временем

и сами они предъявят суровый счёт этой жизни с вакханалией тюремных нравов и блатных песен — в стране, от которой они, сами не зная за что и почему, обречены были выслушивать самые грязные оскорбления, самые резкие упрёки, терпеть злые обиды.

А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу... —

Так было в пушкинские годы.
И в герценовские: «Страшная участь уготована у нас всякому, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром». О более близких годах мы знаем достаточно, чтобы выводы делать самим. Даже в годы декларированной борьбы за чистоту нравов всякая попытка сохранить в себе творца, просто человека, умудрившись не щеголять ни в подбитых гвоздями кирзачах, ни в дипломатично соцреалистическом купальнике, воспринималась в стране как оскорбление её статуса и каралась категорически и безотлагательно. И сегодня девчачье стремление выделяться — продолжение, как ни парадоксально, мальчишечьей тяги к униформе. Одни «должны» быть грубыми, материться, плевать сквозь зубы, другие — изучать журналы мод и кокетничать, изображая полных дур. Одним завещано сидеть — на «зоне», на дежурстве или в офисе. Другим — стоять: на трассе, на подиуме или на кухне. Но те самые адресаты журналов для одарённых детей или благотворительных программ, которые не хотят, да и просто не могут вписываться в начертанные кем-то схемы, — их куда девать?

Семиклассник стоял у стены, почти вдавившись в неё. С разных сторон к нему медленно приближались ребята-одноклассники, выкрикивая в неизменном, много раз проверенном порядке:

— Ты Христа предал?
— Теперь отвечай!
— Пусть вешается, как тот!
— Гений пархатый!

Теперь, уже далеко от России, он с ужасом вспоминает детство, когда такие «разборы полётов» были почти ежедневно, а виноват он был только в том, что в пять лет играл на аккордеоне, в десять прочитал первый роман Достоевского, а ещё через год поправил учительницу, написавшую на доске: «Мотодор».

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ Концепт-инфо

— А надо было молчать! — сжав побелевшие пальцы до хруста, шепчет он сейчас, а в глазах — мрачная пустота. — Они потом требовали, чтобы я всё время твердил: «Мотодор», чтобы сознался неведомо в чём.

В романе-аллюзии Михаила Успенского русский богатырь Жихарь встречается с заморским витязем. Им непросто дается диалог, поскольку представления о мире у «коллег» настолько различны, что они едва могут понять друг друга, тот уклад жизни и систему нравственных ценностей, которая есть у другого.

— Не ослышался ли я часом, сэр Джихар? Вы собираетесь бить меня по лицу и ещё похваляетесь этим?

— Ну уж там куда придётся...

— Да знаете ли вы, сэр, что удар по лицу почитается величайшим оскорблением, испугать которое может только смерть, да и то не всегда?

— Чудак ты человек, — засмеялся Жихарь. — Если я тебе кулаком скулу сворочу, так тем же кулаком и на место поставлю. Синяки можно свести травой бодягой.

[Успенский М. Время Оно].

Теперь, когда всерьёз озаботились воспитанием патриотов, мордобой в качестве «национального спорта», исключающего всякое понятие о чести, следовало бы считать дикостью, говорить о которой — значило бы оскорбить страну, если уж Россия пытается отыскать место в мировом сообществе, а не сидеть со своим «спортом» за железным занавесом или в палате на положении больного, которому кажется, что все вокруг онемели, раз не говорят на его языке...

Мордасова, под гармонику и балалайки, выводила когда-то куплеты про «российского Тимоху»:

В нём богатырская сила —
Такими гордится Россия!
Ух ты! Что ты! Посмотри!

Кто бы возражал! Но когда в стране веками принято втаптывать в грязь, вместе с человеческим достоинством, ещё и души своих Моцартов и Ван Гогов, гноить в психушках нобелевских лауреатов, а провозвестников музыкальных направлений не пускать дальше кочегарки, — что остаётся, как не зарывать таланты? И гордиться: вот, не рисует, не поёт, не пишет. — Теперь такой, как все. Такими гордится Россия! Блин!

Кто против гордости? Но когда учёный, создатель нескольких направлений в науке, начинает всерьёз рассказывать о том, что помогло ему уважать себя, — об успехах в области рукопашного боя, — этакая гордость становится опаснее всякой «утечки мозгов», имеющей в России вполне понятное объяснение.

Кто не хотел бы видеть ребёнка смелым и сильным? Но когда смелость предполагает неприменный путь в тюремную камеру «на стажировку», а сила измеряется количеством раскиданных трупов, поддерживаясь рекламой интернет-игры: «Убивай, убивай, убивай!», — пристало вспомнить о том, какую память мы оставим о себе потомкам.

Сегодня много и справедливо говорят о воспитании патриотов. Но патриотизм невозможен, если страна, в лице своих «социально близких», издевается над «социально чуждыми» с мольбертами, смычками и чертежами; так обречена всякая безответная любовь. Можно по традиции вспомнить про «отдельные перегибы», а можно — о том, что за ними — колымские лагеря с миллионами крестов. О проложенных каналах и возведённых городах, — но и о чиновной резолюции николаевского времени: «Не бывало, чтобы на государевых работах деньги платили». Блатной армагеддон, год за годом уничтожающий то, что чудом осталось от страны и народа, — ныне что-то вроде нормы; дедовщина пришла уже в школы и детские сады, где «стоят на шухере», «гасят чухарей», «дают в глаз», «мочат лохов», — в роли последних, естественно, выступают те самые дети, не сумевшие вов-

ремя скрыть свою одарённость, которые составили бы гордость любого народа, а по здешним представлениям, имеют право рассчитывать только на роль боксёрской груши или в будущем — нищего академика, разгребаящего в книжном магазине горы никому не нужных Аристотелей и Гегелей.

Талант или позор? Когда Ломброзо — отдыхает... Наиболее странной и необъяснимой, но лишь на первый взгляд, выглядит позиция взрослых — родителей и учителей, — боящихся таких детей как чумы. «Лучше бы училась на «двойки», только бы стихов своих не писала, — дурочкой ведь вырастет!» «Денег нет ей на косметику? Да я купила бы — только бы не сидела за своими картинками: кому скажешь — засмеют!» «Зачем ему мандолина? Для чего нужен батик? Ему на девчонок надо смотреть!» И такое — повсеместно, как один из российских парадоксов, когда качество жизни страны определяют по количеству неведомо откуда явившихся миллиардеров, а о патриотизме вспоминают, разглядывая татуировку: «Не забуду мать родную!». Учителям бы радоваться — но ребёнок «не такой, как все». Родителям бы готовиться встречать киношников, а они — в панике оглядываются на психдиспансер.

Вспоминает учёный накануне защиты чьей-то диссертации:

Я пошёл тогда к учительнице, чтобы поделиться радостью: решил головоломки, которые она давала брату в десятом классе, а сам я был в шестом. Но на пути словно стена выросла: — Так! Сейчас опять понесёшь ахинею какую-нибудь!.. А дальше она стала орать с такой злостью, что, кажется, потолок вот-вот упадёт. И я не мог понять, за что.

— В газету он пишет, олимпиады выигрывает! (А она сама меня туда посылала, и в чём я виноват?) А доска грязная. Ты что, забыл, что по классу дежуришь?

Я к ней, конечно, больше не подходил, а на уроках делал вид, что математикой не интересуюсь. Она ставила «тройки» и боль-

ше на меня не орала. А когда пришла другая, я не скрывал, что решаю институтские задачки. Самому было интересно, как я мог так здорово шифроваться.

В ходе социализации дети проходят через самые разные сюжеты, а те, кому положено быть более чувствительными и хрупкими из-за неведомо откуда свалившейся на них гениальности, зачастую просто не понимают реакции взрослых, считая даже неадекватное восприятие мнением неопровержимого арбитра. Эта категория детей, обладая «феноменальными способностями» или неизвестно откуда взявшимся гармоническим осознанием мира, тяготится тем, что они — «иные», «не такие», «не похожие». Но это тягостное чувство многократно усиливается, когда взрослые, уже имея привычку «стричь всех под одну гребёнку», оставляют рваную рану на душе.

— Идёт! Дурочка! Ты откуда?

— Я с вашим Олегом занималась математикой. А почему я дурочка?

Женщина, мать «двоечника» Олега, срывает с головы девчонки странного вида кепочку и, подбрасывая её, обращается то к отличнице, то к знакомым женщинам:

— Да ты уже в седьмом классе! Тебе, дуре, пора уже видеть, что Олег на тебя как на девчонку смотрит!.. А ты всё математикой своей занимаешься!

И одно дело, когда двенадцатилетний мальчишка, поймав другого, поменьше, делает страшные глаза и масляным голосом, переходящим на взрослый бас, интересуется: «А тебе рассказать, что отец на «зоне» делал с такими чурками, как ты?» — Тот вырывается, пытается бежать, кричит, зримо осязает боль и чувствует вонь тюремной камеры... Но совершенно не имеют оправдания взрослые, обращающие эмоциональность таких детей в непростительный грех, а улицу, город и страну, где они были обречены родиться, — в камеру пыток, о которой если что и сохранится в памяти, то омерзение и ужас, менее всего соотносимые с любовью к ненавидящей их стране.

Студент вспоминает себя, восьмиклассника, когда школьники проходили медицинский осмотр:

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ Концепт-инфо

— Когда я ей (врачу) сказал, что люблю древнюю историю, она насторожилась. Ребята сидели здесь же и почти не разговаривали друг с другом. Я рассказал ей про Вавилон — так, будто картинку нарисовал.

— Это дебильный ребёнок! — громко сообщила она медсестре. — Как он учится? Отличник? Вот видите... Я не мог сойти с места, не мог и наорать, в голову не приходило, что взрослые могут быть не правы (наверное, она права), — а ребята стали все выходить из кабинета. Только один обернулся и уже почти из коридора сказал ей отчётливо:

— Сама ты дебильная!

— А я всё думал: она права! Мне надо не Вавилоном интересоваться и не про законы Хаммурапи читать, а к девчонкам в общежитие бегать!

Можно предположить, что голову новичка, пришедшего в тюремную камеру и начавшего рассказывать про Вавилон, не опустят потом в унитаз. Но это — фантастика... А между тем, и орущая неведомо за что учительница, и полоумная мамаша одноклассника, и дама-врач, купившая по дешёвке диплом и нарисовавшаяся на школьный медосмотр, — это взрослые люди, с которыми подрастающий человек общается и на которых смотрит как на выразителей отношения к нему всего общества. И он не понимает, почему должен платить любовью за ненависть, отвечать добром на зло, признательностью встречать окрики. Он не способен понять то, что считают естественным они. «*Это ты сп...л шоколадку?*» — слышит он в магазине, не понимая, о чём идёт речь. И не понял бы, даже если бы ему перевели. Он мыслит иными категориями, не допуская в жизни самой возможности того, в чём его заподозрили.

«Долго я буду возить вас без билетов?» — гремит в автобусе рёв кондукторши, и та в упор не видит билета, купленного минуту назад, который он ей протягивает. Причём протягивает, не говоря ни слова в своё

оправдание, отчего та уже заходится в крике, пока не произносит утомлённо: «Мог бы и сказать! На него орут, а он молчит! Все вы такие!». В том-то и дело, что не все. У него иная система ценностей, и, протягивая билет, он думал не о «зайцах», крик о которых заставил звенеть металлические рейки в автобусе, а о строчке, которая зацепилась за сознание и которую он обязательно напишет, как только вернётся домой...

Взрослым это может показаться ненормальностью, насмешкой, издевкой — чем угодно. Они не видят и не хотят видеть, а зачастую — и просто не могут, что у такого ребёнка совершенно другая система координат, разрушить которую, то есть втолкнуть его в рамки привычного и предсказуемого, значит загнать в строй, где он не издаст ни звука, кроме сбивающегося топота башмаков, и ничего не увидит, кроме затылка направляющего. В строй, где марш объединяет, а всякая другая музыка считается проступком, этот строй разрушающим. В строй, на выучку к «Тимохе», марширующему и под балалайку.

Предстоит определиться, как всем нам быть в такой ситуации. Самим почувствовать себя теми, к кому не обращаются рекламные тексты, для чьего досуга не шьют яркой одежды, кто не мчится, рассекая звёздные брызги снега, на ослепительно сверкающем снегокате, обгоняя других, чьи родители не способны купить подобное заморское чудо. Эти дети — и «аутизированные», и «интроверты», а для большинства и просто — «дебильные». Вот почему так важно понять, что увидеть их, не дать опустить крылья, не сломать их судьбу, — наше педагогическое призвание. Понять, что неумение красть — не грех (нам самим сегодня это надо понять, когда умение красть и убивать уже серьёзно преподносится как добродетель). А сочинение песен и создание картин — ещё не путь в одиночество и болезни. Но это нужно сначала осознать нам самим, а значит, — в какой-то степени оказаться вопреки, не «в команде». А силы воли хватит? **В.Ш**